

«Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим».

Откровение Иоанна Богослова, 20–13

СЕРГЕЙ
ГОЛУБИЦКИЙ

КВАЙТО ДЛЯ КОГДАМЫШЕЙ¹

В МИРЕ ЕСТЬ УНИКАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО, КОТОРОЕ ВСЕГДА СУЩЕСТВОВАЛО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО В ВООБРАЖЕНИИ ЛЮДЕЙ. ПОПРОСИТЕ СЛУЧАЙНОГО ПРОХОЖЕГО В ЛЮБОМ ГОРОДЕ МИРА УКАЗАТЬ НА КАРТЕ ЮЖНОАФРИКАНСКУЮ РЕСПУБЛИКУ. С БОЛЬШОЙ ВЕРОЯТНОСТЬЮ ОН УВЕРЕННО ТКНЕТ ПАЛЬЦЕМ: «ЧТО ЗА ДЕТСКИЙ САД! ДА ВОТ ЖЕ ОНА — НА САМОМ ЮГЕ АФРИКИ!»

Задайте другой вопрос: «Что вам известно про эту страну?» Не сомневаюсь, что снова получите уверенный ответ: «В ЮАР был апартеид!»

Теперь самое время нанести коварный удар: «А что случилось *потом*?» «В каком смысле — *потом*?!» — впадет в неподдельный ступор ваш респондент. «В том смысле, что апартеид в ЮАР

закончился 14 лет назад. А что произошло со страной *потом*?» Готов биться об заклад: вы услышите тишину, едва нарушаемую недоуменным хлопаньем ресниц опешившего респондента.

И не мудрено: пока в ЮАР «свиристствовал» апартеид, частота упоминания этого государства на первых страницах мировых газет давала фору «вечным» темам — сплетням из Голливуда, сексуальным скандалам из жизни

¹ Квайто (Kwaito) — самая популярная музыка в Южной Африке: вариант хип-хопа с речитативом, хором, замедленными ритмами, пафосом расовой борьбы и обильными вкраплениями негритянского фольклора и джаза. «Когдамыши», англ. «Whenwes» (от фразы «When we were in Rhodesia» — «Когда мы были в Родезии») — насмешливое прозвище, изначально данное бурами ностальгирующим бледнолицым жителям Родезии, спасшимся бегством в ЮАР от истребления в 1980 году. По иронии судьбы сегодня буры разделили печальную судьбу родезийских «когдамышей».

Фото: AP Photo / Themba Hadebe

В 1987 году английские юноши и девушки на ежегодной конференции Консервативной партии Великобритании дружно разгуливали в майках «Повесьте Нельсона Манделу». Но вскоре шутки кончились. Навсегда.

музыкальных звезд и решительным заявлением президентов США и генсеков СССР. Когда же в 1994 году апартеиду пришел конец, закрылась навеки и сама страна: ЮАР перестала существовать для остального мира. Всё! Нет ее больше! Нигде!

Согласитесь, как-то странно получается: 46 лет чернокожее население Южной Африки билось плечом к плечу с демократической общественностью всего мира за уничтожение «омерзительного апартеида», занимавшего в сознании этой общественности среднее положение между фашистскими концлагерями и сталинскими репрессиями, а после того как апартеид пал, у всех разом пропал интерес к этой животрепещущей теме. Неужели не хочется хоть чуточку полюбопытствовать: как там дела-то, в этой новой свободной Южно-Африканской Республике? Каковы достижения-свершения? Каковы успехи тех, кто был ничем и в одночасье стал всем? Как поживает Африканский национальный конгресс, под умелым руководством которого народы ЮАР стряхнули с себя позорное ярмо рабства и сегрегации?

Рискну предположить, что демократическая общественность, конечно же, полюбопытствовалась. И даже пыталась какое-то время снисходительно

наблюдать за происходящим в ЮАР, однако потом... пришла в такой неподдельный ужас от увиденного, что решила поскорее заняться любимым своим делом: глубоко-глубоко зарыть голову в песок и сделать вид, что ничего не происходит. Ничего не происходит в ЮАР! Нет там ничего, и незачем в ту сторону даже смотреть! Ничего интересного!

В самом деле, что может быть интересного в стране, занимающей первое место в мире по преступности? Первое место не по каким-то там мелким кражам колбасы, а по кондовой уголовщине: зверским истязаниям и убийствам, изнасилованиям несовершеннолетних, ограблениям банков и инкассаторов, поджогам домов вместе со всеми их обитателями. Страшно сказать: сегодня в ЮАР ежегодно умерщвляется чернокожих руками самих же чернокожих больше, чем за все годы существования апартеида!

Что может быть интересного в стране, где 31% беременных женщин (каждая третья!) является носителем вируса ВИЧ, число инфицированных взрослых граждан превысило 20% (каждый пятый), а общее количество т. н. «сирот СПИДА», то есть детей, чьи родители умерли от страшного заболевания, исчисляется полутора миллионами? Кстати, столь массовое и популярное в

современном ЮАР преступление, как изнасилование детей, имеет именно это — медицинское — «обоснование»: меньше шансов заразиться!

Есть и другая причина, по которой передовая общественность предпочитает скромно тупить очи и обходить молчанием ситуацию в современной ЮАР, государственное устройство которой по внешней форме олицетворяет собой «общечеловеческие ценности» в том виде, как они представляются западной демократии. Это всеобщее право голоса, свобода прессы и выражения, всеобщее равенство перед законом, многопартийная система, полноценный парламент, честные неподкупные выборы (какой смысл кого-то подкупать, если Африканский национальный конгресс и зулусская Партия свободы Инката при любом раскладе побеждают с конституционным большинством голосов, ведь в стране 80% чернокожего населения, всегда голосящего за «своих»). Причина эта заключена в неизбежном *сравнении* «достижений» современной демократии ЮАР с «ужасами» апартеида.

И тут окажется, что любое подобное сравнение для трезвомыслящего и объективного человека выходит не в пользу «достижений». До такой степени «не в пользу», что «ужасы» апартеида на фоне «достижений» всеобщего народовластия начинают смотреться детской забавой, а краеугольные аксиомы западной идеологии разваливаются на глазах.

Впервые о несоответствии общепринятой идеологической страшилки об апартеиде реалиям Южно-Африканской Республики я узнал из неожиданного источника: в начале 80-х годов мои однокурсники по филологическому факультету МГУ, изучавшие португальский язык, работали по контрактам «Аэрофлота» переводчиками в Мозамбике. Время от времени советские самолеты обрушивались на землю — то ли от шальной повстанческой ракеты «Стрела», то ли просто в опытных руках африканских летчиков-стажеров. Случалось, обломки попадали на сопредельную территорию ЮАР, и тогда назначались *расследования*, организованные по всем правилам добрососедских отношений: комиссия от пострадавшей стороны приглашалась в ЮАР для осмотра места падения техники, розыска черных ящиков и оценки ущерба. Комиссия работала, а в свободное время знакомилась с бытом Цитадели Апартеида, отгороженной от

мира экономическими санкциями и эмбарго.

Из таких вот командировок—расследований мои коллеги—переводчики и черпали удивительную информацию, которой затем делились с однокурсниками, похоже, так и не приходя в идеологически уравновешенное сознание после увиденного. Вместо ожидаемого концлагеря, пыточных застенков и разъяренных уличных толп расистов, линчующих на каждом перекрестке негров, им открывалась картина ухоженной, упорядоченной, цивилизованной и богатейшей страны, всем своим видом напоминающей старую добрую Европу: театры, соборы, площади, усеянные голубями, консерватории, университеты, супермаркеты, уличные кафе, парки, озера, дорогие немецкие и итальянские машины, исторические памятники...

Весь этот рай, конечно, был построен только для белых. Негритянское население страны обитало в совершенно иных местах — бантустанов (хоумлендов или национальных отечеств), совпадающих, как правило, с центрами исторического проживания

ные. Что, однако, удивительно: о сравнении бантустанов с остальными странами Африки тоже речи быть не могло: всем нигерийцам, суданцам, конголезцам, габонцам и кенийцам до жизни своих угнетенных апартеидом южноафриканских собратьев было просто как до луны. И дело даже не в уровне доходов, заработной плате, полноценной (хоть и не соответствующей европейским стандартам) медицинской помощи, а в святая святых национальной самореализации — системе образования: в школах бантустанов английский и африкаанс изучались как иностранные языки, тогда как основное преподавание велось на языке соответствующей народности.

Расистское правительство ЮАР было жизненно заинтересовано в воспитании у черного населения страны чувства национальной самости и неповторимости, поэтому не жалело субсидий на развитие автохтонной культуры и образования. Разумеется, буры преследовали свои неблагоприятные и корыстные цели, стремясь утвердить в чернокожих африканцах идею совме-

стно—раздельного существования, которая лежит в основе идеологии апартеида. На практике же подобный подход обернулся формированием негритянской национальной элиты, в отличие от остальных жителей колонизованных стран Африки начисто лишенной компрадорской ментальности. Еще бы: ведь университетское образование зупусы, ндебеле, свази, тсонга и тсвана получали не на языке колонизаторов (английском, немецком, французском или португальском), а на собственном автохтонном наречии!

В парадоксальных фактах, связанных с жизнью Южно-Африканской Республики в период апартеида, меня, однако, заинтересовал не столько вопиющий диссонанс между общераспространенной мифологией и реальностью, а исторический фундамент самой идеологии совместно—раздельного существования. Интуиция подсказывала, что тот же самый фундамент, который создал апартеид в 1948 году, после падения последнего в 1994-м превратил страну в криминально—эпидемиологический заповедник, единственной перспективой которого может стать только полная эмиграция всего бурского населения и окончательное перерождение ЮАР в государство, идентичное остальным странам африканского континента.

Об этом историческом фундаменте мне и хочется рассказать читателям.

Кости Пита Ретифа

Первыми европейцами, ступившими на землю Южной Африки, были торговые португальцы (1487 год) из экспедиции Бартоломеу Диаша. Португальцев интересовала, конечно же, Индия, а Cabo das Tormentes не привлекал даже выгодным расположением на предмет перевалочной станции: слишком уж недружелюбными оказались аборигены.

Спустя почти 200 лет голландская экспедиция Яна ван Рибек из легендарной VOC² основала первую колонию на мысе Доброй Надежды (1652 год) — Cape Town. Голландцы, подобно португальцам, очень быстро удостоверились, что местные племена напрочь лишены коммерческой жилки и торговле—обменным операциям предпочитают более прагматичные отношения —

ЮАР ВРЕМЕН АПАРТЕИДА ПРЕДСТАВЛЯЛА В ВИДЕ ЦИВИЛИЗОВАННОЙ УХОЖЕННОЙ СТРАНЫ, НАПОМИНАЮЩЕЙ СТАРУЮ ДОБРУЮ ЕВРОПУ. НИКАКИХ КОНЦЛАГЕРЕЙ, НИКАКИХ ЗАСТЕНКОВ И ПЫТОК

автохтонных народностей. Десять бантустанов, созданных в ЮАР, представляли собой миниатюрные государства в государстве: с собственными выборными органами управления, правительством, школами, университетами, больницами, городской инфраструктурой. Жители бантустанов считались гражданами именно своих национальных отечеств, а не ЮАР, даже паспорт у них были соответствующие.

Конечно, ни о каком сравнении уровней жизни обитателей бантустанов и белой Южной Африки не могло быть и речи: и больницы убогие, и университеты бедные, и школы примитив-

фото: AP Photo

Апартеид «высокого» порядка дополнялся апартеидом на бытовом уровне. Сегрегация проводилась во всех сферах: раздельные автобусы, раздельные бассейны, раздельные пляжи и даже скамейки в парке.

▶

1 Мыс штормов (порт.).

2 O Vereenigde Oostindische Compagnie (VOC), объединенной Восточно-индийской компании, мы рассказывали в «Чужих уроках» два года назад.

С появлением бантустанов негры утрачивали гражданство ЮАР и становились гражданами своих хоумлендов, где действовали собственная конституция, система выборов и самоуправление.

содрать, например, с неосторожного бледнолицего кожу, на худой конец — расчленив как-нибудь позаквырестее на радость своим воинственным божкам.

Поскольку на португальское поселение были возложены обязанности обеспечивать транзитные суда Восточно-индийской компании запасами провианта, а местные жители этот провиант поставлять отказывались, пришлось, с одной стороны, завозить рабов и наемных работников из Индии, Мадагаскара и Индии, с другой — освобождать сотрудников компании от прямых контрактных обязательств и отпускать на вольное поселение и фермерские работы.

Впоследствии из азиатских рабов и наемных работников, перемешавшихся с европейцами, родилась южноафриканская раса цветных (Cape Malays или Cape Coloured), а сотрудники VOC, подавшиеся в хлебопашество и животноводство, составили костяк удивительной новой нации буров (bouers), которую закалили и довели до совершенства волны переселенцев из Германии и французские изгнанники — гугеноты.

Голландцы монополюно осваивали просторы Южной Африки почти 150 лет, пока на горизонте не появились конкуренты в виде Британского флота на службе британской же Ост-индской компании. В 1795 году под предлогом противостояния угрозе Наполеона Бонапарта английские регулярные войска высадились на южноафриканском побережье и аннексировали слабо защищенные поселения VOC. В марте 1802 года после подписания Амьенского соглашения Британия на короткое время вернула захваченное, однако уже через три года отобрала голландские владения снова под предлогом банкротства VOC (типа за долги).

В 1815 году Венский конгресс юридически закрепил некогда голландскую колонию за Британией. К этому времени на территории Южной Африки сложилась любопытная амальгама национально-расовых отношений. *Автохтонное население* люто ненавидело всех бледнолицых пришельцев без разбора и пребывало с ними в со-

Фото: AP Photo

стоянии перманентных военных действий. Англичане высоко над головой несли факел государственности, запаленный имперскими амбициями и коммерческими интересами Ост-индской компании. Бурсы фанатично отстаивали морально-религиозные принципы кальвинизма — глубокий индивидуализм, пасторальный образ жизни, аскетизм, самодостаточность, замкнутость и — главное! — представление о своей новой родине как о божьем заповеднике, в котором им, бурам, Господь Иисус Христос доверил заботу о братьях младших по вере и разуму — дикарях-аборигенах.

Первая половина XIX века отмечена в истории Южной Африки двумя грандиозными тектоническими потрясениями. Первое связано с пробуждением в зулусской нации имперских амбиций: король Шака Зулу сначала объединил разрозненные племена под своим началом, а затем приступил к *Дифакане*

(на языке племен сото — «насилистское выселение») — методичному вырезанию неродственных соседей и захвату их территорий.

Второе потрясение: идейный разрыв буров с англичанами и Великий Исход (Great Trek) — отказ буров от городской жизни в прибрежных поселениях, общественно-экономическая жизнь которых всецело подчинялась коммерческим интересам Британской империи, и поход вглубь страны в поисках свободы и независимости.

Краеугольным камнем для понимания всей дальнейшей истории Южной Африки стала трагедия Пита Ретифа, одного из предводителей буров-первопроходцев (прозванных voortrekkers, пионерами), чей отряд столкнулся на бескрайних равнинах Наталя с зулусским «бригадиром» Дингане. Дингане пригласил Ретифа с товарищами в свою резиденцию в Умгунгундлову, якобы для подписания мирного дого-

вора, а затем отдал своим воинам команду: «Булалани абатакати!» («Убейте колдунов!»). Пит Ретиф, его сын, соратники и слуги, общим числом 530 человек, были растерзаны, а останки Ретифа—старшего брошены на холме на съедение диким зверям.

Буры ждали часа возмездия полгодом, зато каким блистательным оно было! 16 декабря 1838 года на берегу реки Нкоме 470 буров—первопроходцев под предводительством Андриэса Преториуса сокрушили армию зулусов численностью, по разным оценкам, от 10 до 20 тысяч воинов. Результат сражения не имеет аналогов в мировой истории: трое раненых буров и три тысячи убитых зулусов!

Четырьмя днями позже кости Пита Ретифа были собраны и захоронены по христианскому обычаю. Любопытно, что 16 декабря, свято поминаемое в годы апартеида как День Завета (Day of the Covenant), празднуется и после 1994 года — правда, под другим названием: как День Примирения (непонятно только — кого с кем!).

Как бы там ни было, после битвы на Кровавой Реке буры окончательно и бесповоротно избавились от последних иллюзий по поводу возможности мирного сосуществования с автохтонными племенами, населяющими Южную Африку, и уединились как от негров, так и от англичан в двух уникальных государственных образованиях в глубине страны — Южно-Африканской Республике (Zuid-Afrikaansche

потери буров — 1 убитый, 5 раненых; потери англичан — 92 убитых, 134 раненых, 59 пленных), но и самими, как впоследствии оказалось, перспективными изобретениями для XX века — концентрационных лагерей и тактики выжженной земли.

Тактика выжженной земли, разработанная британской армией в борьбе за уничтожение бурских республик, состояла в поджоге урожаев и фермерских домов, поголовном забое скота, отравлении рек и колодцев и зачаточных робких экспериментах в сфере применения биологического оружия. Честь создания первых в истории человечества концлагерей также принадлежит Туманному Альбиону: за три года второй англо-бурской войны в инновационных учреждениях уморили голодом и болезнями 26 тысяч 370 буров, из которых 24 тысячи составляли дети.

В 1902 году страдания буров завершились подписанием Закона об Объединении, согласно которому бурские республики ликвидировались, а вся территория Южной Африки превращалась в доминион великой Британской империи.

В этом статусе ЮАР просуществовала до марта 1961 года, когда в результате референдума страна получила статус республики и вышла из состава Британского содружества наций. Де-факто проанглийская ориентация в Южной Африке закончилась гораздо раньше: в 1948 году премьер-министр-англофил Ян Смутс, близкий

Южной Африке. На протяжении ста пятидесяти лет и задолго до апартеида англичане выстраивали на этой многострадальной земле классическое колониальное государство, правда, не размываясь на мелочи расовых и религиозных предрассудков. В том смысле, что негров англичане никуда не выселяли и не отделяли, а просто высасывали из них последние соки по-хозяйски и со знанием дела. Точно так же, как высасывали они соки в Индии, Бирме, Малайзии и прочих колониях великой Империи.

Негры Южной Африки в период британской метрополии сидели тише воды и ниже травы, потому что у всех перед глазами стоял выразительный пример Соединенных Штатов Америки, где англосаксы, столкнувшись с непримиримым автохтонным населением, продемонстрировали радикальный подход: взяли да и вырезали подчистую всех аборигенов! О том, что англичане для достижения своих целей всегда готовы идти до конца, свидетельствовал и геноцид буров в концлагерях на заре XX века.

Когда буры вырвали контроль над государством из цепких рук Британской империи на выборах 1948 года, им оставалось либо продолжать политику колониального подавления, что в свете агрессивного своеобразия местных племен рано или поздно должно было привести к кровопролитной войне, либо — паковать чемоданы и отправляться восвояси. Одна незадача: буры в отличие от англичан не ощущали европейскую прародину своим отечеством! Они жили в Южной Африке 300 лет и ничего другого не знали. Даже свой язык — африкаанс — буры полагали не плебейским диалектом голландского, а самостоятельной мовой.

История 300-летнего совместного проживания с аборигенами, достигшая апофеоза в умерщвлении Пита Ретифа, безоговорочно продемонстрировала, что шансов для мирного сосуществования нет никаких (криминальное побоище, развернувшееся в стране после отмены апартеида — лишнее тому доказательство). Пропасть цивилизаций, культурных традиций, обычаев и ни в чем не пересекающихся представлений о морали, дополненная с одной стороны — кровавой жестокостью южноафриканских племен, с другой — непоколебимым убеждением буров, что их миссия по управлению «дикарями»

ИСТОРИЯ СЛОЖИЛАСЬ БЫ ИНАЧЕ, ЕСЛИ БЫ В 1870 ГОДУ В КИМБЕРЛИ НЕ ОБНАРУЖИЛОСЬ МЕСТОРОЖДЕНИЕ АЛМАЗОВ, МИМО КОТОРОГО БРИТАНСКИЕ СОЖИТЕЛИ БУРОВ ПО ЮЖНОЙ АФРИКЕ НЕ МОГЛИ ПРОЙТИ

Republiek) и Свободном Оранжевом Государстве (Oranje-Vrystaat).

Думаю, история сложилась бы совершенно иначе, если б в 1870 году в Кимберли не обнаружилось громадное месторождение алмазов, мимо которого британские сожители буров по Южной Африке не могли пройти ни при каких обстоятельствах. Две англо-бурские войны (1880–1881 и 1899–1902) обогатили не только очередным блеском бурского военного гения (27 февраля 1881 года, сражение на холме Маджуба:

друг Черчилля, потерпел поражение на выборах, и к власти пришла бурская Национальная партия, которая незамедлительно приступила к созданию неслыханного в истории социально-политического эксперимента — апартеида.

Умереть вместе или жить раздельно?

Самая большая ошибка при анализе апартеида — предположить, что буры изобрели угнетение негров в

Фото: AP Photo / Aadi Bradlow

Жить стало веселее. Статистика ЮАР 2005 года:
18 793 убийства (в среднем 51 ежедневно),
24 516 покушений на убийство, 249 369 бандитских
нападений, 55 114 зарегистрированных изнасилований...

освящена Господом Иисусом Христом — все эти обстоятельства и привели их к идее *раздельно-совместного* существования, на языке африканс — *apartheid*.

Юридическую основу апартеида заложил закон о Регионах группового проживания (Group Areas Act, № 41 1950 года), который выделял на территории ЮАР 10 бантустанов (национальных отечеств), совпадавших с историческими центрами проживания автохтонных народов. Как мы уже отметили, негры утрачивали гражданство ЮАР и становились гражданами своих хоумлендов, у которых были собственная конституция, система выборов, племенное, региональное, территориальное самоуправление и т. п. Для пребывания на территории государства за пределами бантустанов требовался специальный пропуск, а также разрешение на работу. С годами основные инфраструктуры, на которых работали чернокожие жители ЮАР, стали выводиться из «белых» городов и дислоцироваться непосредственно на границах с бантустанами — для снижения уровня местных контактов.

Апартеид «высокого» порядка дополнялся апартеидом на бытовом уровне, который, собственно, и вызывал возмущение передовой общественности во всем мире: сегрегация в ЮАР проводилась на всех срезах жизни общества — раздельные автобусы, раздельные бассейны, раздельные кинотеатры, раздельные рестораны, раздельные пляжи, даже скамейки в парке — и те раздельные! Все это подчеркивало демонстративное нежелание буров вступать с автохтонным населением страны в малейшие контакты!

Ряд законодательных актов (о «Незаконных организациях», № 34 от 1960 года, о «Терроризме», № 83 от 1967 года и др.) налагал запрет на любые формы противодействия апартеиду и был направлен в первую очередь на усмирение Африканского Национального Конгресса. Однако именно в этом направлении усилия буров потерпели сокрушительное фиаско: вопреки тюремному заключению Нельсона Манделы, руководителя АНК, его организация набиралась сил и к середине 80-х вышла на промышленный уровень терроризма: взрывы бомб в общественных местах и транспорте, захват заложников, массовый саботаж на предприятиях — арсенал, достойный лучших образцов Аль-Каеды и Хезболлы.

Забавно, что даже ярый противник бурского апартеида премьер-министр

Великобритании Маргарет Тэтчер квалифицировала в 1987 году АНК как террористическую организацию. Английские юноши и девушки на ежегодной конференции Консервативной партии Великобритании дружно разгуливали в майках «Повесьте Нельсона Манделу», а помощник Тэтчер Бернард Инграм вошел в историю фразой: «Каждый, кто полагает, что Африканский национальный конгресс когда-нибудь сформирует собственное правительство в ЮАР, живет в нереальном мире заоблачных мечтаний (living in cloud cuckoo land)».

История рассудила иначе: под колоссальным давлением перманентного терроризма внутри страны, тотального экономического эмбарго и политической обструкции за ее пределами буры утратили всякую волю к сопротивлению и дружно проголосовали за отмену апартеида (68% голосов на референдуме 17 марта 1992 года). Нельсон Мандела вышел из тюрьмы и 9 мая 1994 года стал президентом Южно-Африканской Республики, а АНК сформировала конституционное большинство в парламенте (совместно с зулусской Партией Свободы Инкато).

Cloud Cuckoo Land

Что произошло дальше, читатель уже знает. Добавлю лишь немного статистики: в 2005 году — 18 793 убийства (в среднем 51 убийство в день), 24 516 покушений на убийство, 249 369 бандитских нападений с нанесением тяжких увечий, 55 114 зарегистрированных изнасилований. И это в стране с населением в 47 миллионов жителей. Для сравнения: в Соединенных Штатах (288,2 миллиона жителей) было зарегистрировано в том же году 16 110 убийств. 99% всех преступлений совершается чернокожими против чернокожих и против белых.

Наконец, последние цифры: самые страшные примеры преступлений апартеида против человеческой жизни были зарегистрированы 21 марта 1960 года (так называемая «Бойня в Шарпервилле» — 180 раненых и 69 убитых при разгоне несанкционированной демонстрации) и 16 июня 1976 года («Студенческое восстание в Саутто» — 566 убитых).

Что ж, преступления апартеида не остались без наказания, и сегодня каждый житель ЮАР имеет право голоса. Упс! Небольшая деталь: право голоса есть только у тех, кто остается в живых! ■